

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В НЕМЕЦКИХ ПОГОДНЫХ ПАРЕМИЯХ

С. А. Украинский

Воронежский государственный педагогический университет

Данная статья посвящена проблеме декодирования вербализованных культурно-специфических реалий, содержащихся в немецких крестьянских погодных паремиях. Выявлен релевантный способ перевода культурно-специфических реалий, который основывается на учете культурологического фактора, отражающего национальную специфику тех или иных немецких реалий, а также некоторые наиболее частные способы их перевода.

Перевод — это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Хотя обычно говорят о переводе “с одного языка на другой”, но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки. Переводом интересуются культурологи, этнографы, психологи, историки, литературоведы, и разные стороны переводческой деятельности могут быть объектом изучения в рамках соответствующих наук. В то же время в науке о переводе — переводоведении — могут выделяться культурологические, когнитивные, психологические, литературные и прочие аспекты [2, 23].

В создание лингвистической базы современного переводоведения немаловажный вклад вносит и социолингвистика, изучающая различные аспекты проблемы “язык и общество”. Особую ценность для теории перевода представляют два взаимодополняющих подхода к этой проблеме. С одной стороны, язык рассматривается как единое социально-культурное образование, отражающее особенности определенного этноса как носителя определенной культуры, выделяющей его среди других культур. С другой стороны, изучаются различные виды вариативности в языке, связанные с неоднородностью и многогранностью общественной жизни, существованием социальных, профессиональных и многих других различий между людьми в рамках одной и той же культуры [2, 68].

Язык как орудие вербальной коммуникации является важнейшей частью культуры, и все особенности его структуры и функционирования могут

считаться проявлениями культуры соответствующего языкового (или этнического) коллектива. Однако, по мнению В. Н. Комиссарова, следует учитывать сложный и опосредственный характер связи языка с другими элементами культуры. Окружающий мир, духовная жизнь и поведение людей отражаются в сознании человека в определенных когнитивных структурах, которые, в свою очередь, реализуются и переструктурируются в языковых категориях и формах. Формирование и развитие когнитивных и особенно языковых структур происходит не только под влиянием внешних факторов (других элементов культуры), но и по своим внутренним законам, определяющим существование когнитивных и языковых систем как целостных образований [2, 69].

Изучение культурной обусловленности разных сторон вербальной коммуникации представляет большой интерес для переводоведения. Переводческая деятельность означает не только взаимодействие двух языков, но и контакт между двумя культурами. Следует учитывать, что наряду с уникальными особенностями, характеризующими каждую отдельную культуру, существуют факторы, общие для многих или некоторых культур. Кроме того, различные культуры всегда оказывали и продолжают оказывать влияние друг на друга [2, 71].

Каждый язык создает своеобразную “языковую картину мира”, что является одной из причин трудностей, возникающих при переводе. Структура языка, действительно, способна определять возможные пути построения сообщений, организуя определенным образом выражаемые мысли, порой навязывая говорящим обязательное употребление тех или иных форм [2, 71].

В наши дни проблема соотношения языка и культуры приобрела особую актуальность в связи с интеграцией России в мировую систему образо-

вания, что в свою очередь обуславливает необходимость изучения безэквивалентной лексики с национально-культурной спецификой значения, так как перевод с одного языка на другой, как мы отмечали выше, — это взаимное проникновение культур, обогащение одной из них за счет элементов другой, а безэквивалентная лексика (БЭЛ) — это слова, отражающие специфику национальной культуры народа и являющиеся хранителями национально-культурной семантики. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров следующим образом определяют понятие БЭЛ с национально-культурной спецификой значения: это “слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями” [3, 41].

Говоря о безэквивалентности, исследователи не имеют виду ее абсолютную непереводаемость. Вопрос сводится к тому, как передать БЭЛ с национально-культурной спецификой значения (реалию) на другой язык.

Реалии как предметы материальной и духовной культуры отражают образ жизни и образ мышления определенного конкретного общества и не имеют аналогов в другой культуре, в языке которой, естественно, отсутствуют и лексические единицы, обозначающие эти неизвестные культурные концепты. Вследствие этого передача реалий при переводе становится поиском в языке перевода средств номинации, способных с “максимальной полнотой передать имплицитный мир, выраженный средствами языка оригинала” [4, 15].

Помимо лингвистических знаний переводчик должен быть оснащен фоновыми знаниями носителя языка и культуры, знать национально-культурную семантику — основу переводческой и коммуникативной компетенции, т.е. лингвистические аспекты языка должны быть освоены параллельно с историко-, этно-, социо- и психолингвистическими особенностями его носителей. Знание культуры народа-носителя языка является не менее важным условием овладения этим языком, т.е. переводчик должен формироваться не только на основе своей национальной культуры, но и на основе фактов, норм и ценностей национальной культуры изучаемого языка, относящихся к различным сферам жизни нации: социальной, политической, бытовой, нравственной, эстетической, иначе будет иметь место явление интерференции культур [3, 73].

Вопросы изучения лексики с национально-культурной спецификой значения неоднократно были предметом рассмотрения в лингвистической литературе.

В современных условиях диалога культур изучение лексико-семантической системы языка и аутентичных культурологических знаний дает возможность формирования более качественного и полного национального образа мира, необходимого для обеспечения успешного протекания акта коммуникации между представителями разных культур.

Следуя реалистической экстрасоматической традиции в культурологии, мы трактуем культуру “... как некую систему, стоящую между человеком (как социальной единицей) и окружающей его действительностью, т.е. как механизм переработки и организации информации, поступающей из внешнего мира. При этом какая-то информация оказывается значимой, а какая-то — игнорируется в рамках данной культуры. Напротив, на языке другой культуры эта нерелевантная для данной культуры информация может быть очень существенной” [5, 43].

В этой связи культура и язык предстают как отдельные знаковые системы, одинаково необходимые и важные для человека и общества, при этом язык как знаковая система выступает проводником национальной культуры, формирующей личность в процессе социализации.

Традиционно словарные соответствия передаются следующими способами:

1. Способ калькирования. Калькирование передает безэквивалентную лексику при помощи замены ее составных частей прямыми лексическими составляющими и имеет тенденцию к преимущественному использованию при переводе сложносокращенных форм. Калька воспроизводит структурное сходство с оригиналом, но для раскрытия национально-культурной семантики калек необходимо их комментирование.

2. Способ транскрибирования предполагает механическое перенесение реалии из исходного языка в язык перевода с помощью графических средств последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме.

3. Способ родовидовой замены передает аналогичное, но не идентичное понятие. Исчезает внутренний образ слова, полностью теряется национально-культурный колорит, хотя перевод делается максимально понятным читателю.

4. Реалии-историзмы, отсутствующие в двуязычных словарях, требуют расширенного толкования значения для полной передачи заложенной в слове информации. [3, 15]

Перечисленные выше способы передачи БЭЛ, используемые для перевода культурно-специ-

фических реалий, позволяют нам говорить об их недостатках: транскрипция дает возможность сохранить БЭЛ единицу, но может привести к неадекватному восприятию читателем; при описательном способе удастся передать предметное содержание БЭЛ единицы, но почти всегда теряется коннотация.

Наилучшим способом передачи БЭЛ является транслитерация с последующим толкованием, хотя и данный способ не лишен недостатков, так как БЭЛ раскрывается через уже известное, и это может испортить художественный эффект [3, 41].

При переводе немецких культурно-специфических реалий необходимо учитывать этнокультурные, экстралингвистические, прагматические факторы коммуникативной ситуации, осуществлять целостный подход к смысловой и языковой структуре слова.

Итак, при переводе референциально-безэквивалентной лексики переводчик неизбежно сталкивается с проблемой компенсации данного пласта лексики средствами родного языка и ее адаптации к культурным нормам соответствующего социума.

Безэквивалентная лексика широко представлена в немецких крестьянских, погодных паремиях, где используется народная лексика.

Предметом данного исследования является референциально-безэквивалентная лексика, вербализующая немецкие культурно-специфические реалии в составе немецких крестьянских паремиях, дифференциальным признаком которой является отсутствие референта в культуре народа, на язык которого она переводится.

Материалом для анализа послужили немецкие крестьянские, погодные словари (Egon M. Binder. Bauern- und Wetterregeln. — Ulmer, 2003).

Проведенный анализ крестьянских, погодных паремий показал, что значительная часть из них содержит в своей структуре вербализованные культурно-специфические реалии. К числу доминантных немецких культурно-специфических реалий относятся следующие: *der "Märzwinter"*, *die Eisheiligen*, *die Schasfskälte*, *der Siebenschläfertag*, *die Hundstage*, *die zwölf Raunächte* и некоторые др. Обратимся к их рассмотрению.

Одной из наиболее частотных немецких культурно-специфических реалий, используемых в составе немецких крестьянских погодных паремий является вербализованная реалья "*die Eisheiligen*", которая может быть переведена на русский язык как "ледяные святые". Подобной реалии в русском

языке не существует. Для адекватности восприятия немецких крестьянских погодных паремий с компонентом "*die Eisheiligen*" необходим учет категории пресуппозиции, т.е. наличие фоновых знаний у адресата и адресанта.

В соответствии с толкованием немецкой реалии, дни "*die Eisheiligen*" в этимологическом словаре — "*ледяные святые*", — приходятся на период с 12 по 15 мая. Они называются так в честь четырех святых: Панкратиус (Pankratius), Серватиус (Servatius), Бонифатиус (Bonifatius), София (Sophie). В эти дни в центральной Европе часто происходит внезапное наступление холодов, крестьяне опасаются этого времени, как возможно последнего срока возвращения заморозков и выпадения снега. До конца "*Eisheilige*" обычно ничего не сажают в саду, и не выгоняют скот на пастбища [6, 41]. Итак, к "ледяным святым" относятся четверо святых: Pankratius, Servatius, Bonifatius и Sophie. Важно отметить при этом, что в группе приведенных святых доминирует "маскулинное" начало (по гендерному принципу), так как реалию "ледяные святые" репрезентируют трое мужчин-святых и лишь одна женщина. По нашим наблюдениям, пословицы с компонентом "*die Eisheiligen*" дифференцируются по признаку количества использования имен святых в той или иной паремии. Так, среди них выделяются: *одно-, двух-, трехименные* паремии, и, наконец, *феминистские* паремии, т.е. паремии с женским именем. Приведем примеры с вышеназванными типами крестьянских, погодных паремий, содержащих одно или несколько имен.

1) Одноименные паремии:

Wenn's an Sankt Pankratius gefriert — wird viel im Garten ruiniert. — Если на святого Панкратиуса мороз — в саду многое погибнет.

Pankratz und Urbanitag ohne Regen — versprechen reichen Ernteseegen. — В день Панкратиуса нет дождя — будет богатый урожай.

War vor Servatius kein warmes Wetter — wird es nun von Tag zu Tag netter. — Если до дня Серватиуса не было теплой погоды — то теперь день от дня погода будет улучшаться.

Servaz muss vorüber sein — will man vor Nachtfrost sicher sein. — День Серваса миновал, можно не бояться ночных заморозков.

2) Двухименные паремии:

Pankratius und Servatius sieht man ungern — denn dies sind zwei gestrenge Herrn! — День Панкратиуса и Серватиуса встречаются с неохотой — так как они суровые господа.

Vor **Bonifaz** kein Sommer, Nach der **Sofie** kein Frost. — До Бонифация нет лета, после Софии нет морозов.

3) Трехименные паремии:

Mamertus, Pankratius, Servatius — *stehn für Kälte und Verdruss*. — Мамертус, Панкратиус, Серватиус — приносят холода и неприятности.

Pankraz, Servaz, Bonifaz *machen erst dem Sommer Platz*. — Панкрац, Сервац, Бонифац предоставляют место лету.

4) Феминистские паремии:

Kalte Sophie wird sie genannt — denn oft kommt sie mit Kälte dahergerannt! — Холодной Софией ее назвали, так как она часто приходит с холодами.

Vor Nachtfrost bist Du sicher nicht — bis Sophie vorrüber ist. — Не бойся ночных заморозков, пока не минул день Софии. [6, 109]

Как видно из приведенных паремий, они обнаруживают общий семантически связывающий их признак, а именно, все названные паремии коррелируют с образом “холода”, “разрушения”, “суровостью”, “досадой”, “огорчением”, “морозом” и т.п., что вполне соотносится с их этимологическим толкованием.

Другой наиболее частотной немецкой культурно-специфической реалией, отмечаемой в составе немецких крестьянских, погодных паремий является понятие “*der Märzwinter*”, которое может быть переведено на русский язык как “мартовская зима”. Данную реалию “*der Märzwinter*” можно отнести к типу — погодно-климатических реалий, отсутствие которой в русском языке требует расширенного толкования ее значения для полной передачи заложенной в ней информации. Перевод с помощью русского словосочетания “мартовская зима” может дать лишь общие представления об этой реалии. С целью выявления онтологической природы данной вербализованной реалии следует обратиться к ее этимологическому толкованию.

Так, есть ли “мартовская зима” (“*der Märzwinter*”) или ее нет, является решающим, прежде всего для начала цветения плодовых деревьев. Как правило, это проявляется в том, что раннее цветение наблюдается после довольно теплого марта, в то время как позднее цветение является следствием холодной зимы, которая стоит вплоть до самой весны. В период “мартовской зимы”, когда земля, промерзшая на глубину 20 см, прогревалась лишь во второй или даже третьей декаде марта, цветение плодовых деревьев начиналось в более поздний, чем обычный среднегодовой срок. Если же, напро-

тив, земля прогревалась до 1 марта, то время цветения наступало намного раньше, чем обычно.

Многолетние наблюдения доказывают, как следует из этимологического словаря, что в годы, когда “мартовской зимы” не было, на Юге Германии яблони начинали цвести на 18 дней раньше, чем обычно, т.е. 5 мая. Средний срок начала цветения косточковых (30 апреля) и груш (2 мая) почти всегда совпадает с началом цветения яблонь, поэтому “мартовская зима” — “*der Märzwinter*” имеет решающее значение также для их цветения. В годы, когда наблюдается “мартовская зима”, начало цветения деревьев может задерживаться приблизительно на 13 дней, например, в 1965 году это привело к тому, что яблони начали цвести только 18 мая, в то время как в 1961 году (год, когда не было этого природного явления их цветение можно было наблюдать уже 17 апреля) [6, 40]. Приведем пример.

“Weist der März noch einen ausgesprochenen Märzwinter auf, so wird die Blüte später als zum langjährigen Mittelwert auftreten” — “Если в марте бушуют холода (приходит “мартовская зима”, то цветение начнется позже, чем обычно” [6,41].

На основе приведенного примера видно, что культурологический компонент, содержащийся в крестьянских паремиях с ключевым словом “*der Märzwinter*”, может быть декодирован только на основе использования специальных источников, позволяющих раскрыть их сущностный смысл, передать содержание их внутренней формы.

Следующая культурно-специфическая реалия, достаточно часто используемая в немецких крестьянских, погодных паремиях, является вербализованное понятие “*die Schafskälte*”, которое можно перевести с помощью русского словосочетания — “овечий холод”. Носитель русского языка, без особого труда проведет параллель с выражением “собачий холод”, хотя на самом деле исследуемая немецкая реалия не имеет эквивалентов в русском языке. Подчеркнем, при этом, что “овечий холод” приходится на июнь. Для распознавания адекватности культурологического смысла, имплицированного в семантике овнешненного композитой понятия “*die Schafskälte*” существенную помощь может оказать этимологическая информация. Так, июнь, как правило, считается коварным месяцем, так как он может преподнести сюрприз всей Центральной Европе в виде возвращения холодов. Все страшатся так называемого “овечьего холода” (*Schafskälte*). С точностью до дня невозможно определить наступление “овечьего холода”. Первую

половину месяца считают особенно подверженной этому явлению, другие метеорологи предсказывают возвращение холодов, при котором ветер в верхних слоях атмосферы направлен на северо-запад и приносит в Центральную Европу морской полярный воздух, во второй половине месяца. Как правило, в это время проводили первую стрижку овец, за которой неизбежно следовало легкое похолодание незадолго до середины лета. [6, 41] Отсюда номинация “*die Schafskälte*”, т.е. похолодание в июне, во время, когда начинают стричь овец.

Доминантным в парадигме культурно-специфических “овнешненных словами реалий” (Е. Ф. Тарасов) является понятие “*der Siebenschläfertag*” — “день семи спящих святых”. В крестьянском паремиологическом корпусе языка содержится свыше двадцати паремий с компонентом “день семи спящих святых”. Рассмотрим его этимологическое толкование.

“*День семи спящих святых*” из-за изменений в календаре был не всегда 27 июня, поэтому предсказания, сделанные в этот день, не будут точны. Более того, раньше метеорологические условия в этот день позволяли делать долгосрочные прогнозы погоды. Примета “дня семи спящих святых” гласит, что если идет дождь, то такая погода будет продолжаться еще семь недель. В южной Германии прогноз сбывался на 80 %. Однако нужно учитывать, что по григорианскому календарю он наступал на 10 дней позже. Гораздо реже, чем о примете, вспоминают о святых, связанных с этим днем. По легенде семь братьев, христиан, пастухов, скрываясь от преследования из-за своей веры, убежали в пещеру и были там замурованы по приказу императора Дециуса. По западной традиции их имена звучат: Maximian, Malchus, Martinian, Dionysius, Johannes, Serapion и Constantin, в ортодоксальной церкви, они известны как: Maximilian, Jamblicus, Martinian, Johannes, Dionysius, Exacustodian (Constantin) и Antoninus. В предании говорится, что святые из-за гонений ушли в затворничество и в 250 году чудом Божьим заснули глубоким сном на 187 лет [6, 42].

Как следует из этимологического толкования, понятие “день семи спящих святых” репрезентируется семью святыми братьями. Приведем примеры.

Ist der Siebenschläfer ein Regentag, dann regnet's sieben Wochen noch danach. или *Wenn's an den Siebenschläfern regnet, sind wir mit sieben Wochen Regen gesegnet.* — Если на день семи спящих святых идет дождь, то он продлится еще семь недель.

Wie das Wetter war am Siebenschläfertag, so bleibt es noch Wochen lang danach. — Какая погода в день семи спящих святых, такая продержится еще семь недель.

Werden die sieben Schläfer nass, regnet's noch lange Fass um Fass. — Если в день семи спящих святых мокро, еще долго будут идти дожди.

Ist der Siebenschläfer nass, dann regnet's ohne Unterlass. — Если в день семи спящих святых мокро, дождь будет идти непрерывно.

Der Siebenschläferregen, der bringt dem Lande keinen Segen. — Дождь в день семи спящих святых не приносит удачи. [6, 43]

Любопытным представляется тот факт, что в отличие от репрезентации вышеупомянутых “*ледяных святых*” в крестьянских, погодных паремиях, которые называют каждого святого в отдельности, в данном случае не конкретизируется имя каждого из семи братьев в каждой паремии, а употребляется только архетипическое понятие “*der Siebenschläfertag*”. Как следует из анализа паремий, “день семи спящих святых” соотносится с дождем, сыростью, ненастьем.

Как мы уже отмечали выше, культурно-специфические реалии отражаются двумя способами: обозначением реалии может служить либо отдельная лексема, либо словосочетание. В обоих случаях переводимое становится носителем национального колорита, придающим оригиналу своеобразную окраску. Интересной в этой связи является немецкая культурно-специфическая реалия “*die Hundstage*”, которая не имеет эквивалента в русском языке. Эта реалия имеет глубокие исторические корни, так, в соответствии с этимологическим толкованием данного понятия с *двадцать третьего июля по двадцать четвертое августа* начинаются самые жаркие дни (Hundstage). Это название они получили от созвездия Большая собака. Для египетских крестьян самые жаркие дни года были предвестником скорого разлива реки Нил. Наводнения способствовали тому, чтобы богатая питательным веществом тина распределялась на близлежащие площади. Таким образом, это время было очень важным для занятия сельским хозяйством. На период самых жарких дней имеется ряд примет, которые говорят о том, что погода при восхождении Сириуса определяет ее на ближайшие недели. Кроме того, действительно жаркие дни предсказывают холодную зиму [6, 132]. Приведем примеры.

Hundstage hell und klar, deuten auf ein gutes Jahr; doch wenn Regen sie bereiten, folgen nicht die besten

Zeiten. — Если жаркие дни светлые и ясные, то год будет хороший, если же идет дождь, последует не лучшее время.

*Sind die **Hundstage** heiß, bringt das Jahr noch viel an Schweiß. — Если на самые жаркие дни года действительно жарко, то весь год будет теплым.*

*Wenn mit dem ersten Tage der **Hundstage** die gelinden Nordwinde zu wehen beginnen, so wehen sie vierzig Tage. — Если в первый день самых жарких дней года дует мягкий северный ветер, то ветреная погода продлится еще сорок дней.*

*Wenn die **Hundstage** regen bereiten, kommen nicht die besten Zeiten. — Если в период самых жарких дней года идет дождь, то хорошей погоды не жди [6,132].*

Итак, лексическим соответствием по предметно-логическому значению для вербализованной реалии “*die Hundstage*” может служить русское словосочетание “жаркие дни”. Как следует из крестьянских, погодных поговорок с компонентом “*die Hundstage*”, именно они определяют урожайный/неурожайный год, содержат информацию о количестве ветров на сорок дней, и если так называемые “собачьи дни” (жаркие дни) коррелируют с дождем, то они не обещают хороших времен.

Не имеет культурологического аналога в русском языке и немецкая вербализованная культурно-специфическая реалия “*die zwölf Raunächte*” — буквально “двенадцать вешних ночей”. На этнокультурологическую специфику данной реалии проливает свет ее этимологическое толкование. “Двенадцать дней и ночей между Рождеством и Богоявлением могут определить погоду, как на зимний период, так и на весь год. Например, в южной Германии, а также в пограничных альпийских странах рассказывают о таинственных силах, прежде всего о злых духах и ведьмах, которые властвуют над людьми и животными в эти дни. Верующие люди защищаются от них молитвами, святой водой и окуриванием двора, жилых и подсобных помещений”. [6,183] Приведем примеры.

*Wenn der Wind nicht wehet in den **zwölf Nächten**, damit sich die Bäume rammeln, so tragen sie auch nicht. — Если в эти двенадцать ночей не дует ветер и не колышутся деревья, то урожая не будет.*

*Wenn in den **Zwölfen** der Wind stark geht, gibt es viel Obst. — Если в период двенадцати ночей сильный ветер, будет много фруктов. [6, 184]*

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что “двенадцать вешних ночей” коррелируют с по-

нятием “ветер”, причем, сильный ветер предвещает обилие фруктов, а отсутствие ветра в течение двенадцати ночей является знаком плохого урожая.

Наконец, важно выделить еще одну культурно-специфическую реалию, присутствующую в немецких крестьянских, погодных поговорках — “*Dreikönigstag*” — “*день трех королей*”. Обратимся к этимологическому источнику.

Богоявление (Эпифания) - традиционный христианский праздник, отмечаемый немцами 6 января. Как правило, особое значение он имеет в землях Баварии, Баден-Вюртемберга и Саксонии-Ангальт. У католиков он также известен как “День трех королей” (“*Dreikönigstag*”). Протестанты иногда называют его “Большим новым годом” (“*Großneujahr*”). В основе празднования “Эпифании” (в переводе “явления”) лежит библейский сюжет из Нового Завета. Имеется в виду история о путешествии трех королей-волхвов — Каспара (Caspar), Мельхиора (Melchior) и Бальтазара (Balthasar) — с Ближнего Востока за звездой Вифлеема, указанной им ангельским хором. Найдя лежащего в яслях младенца Иисуса, они поклонились ему и преподнесли богатые дары: золото, ладан и благовонную смолу — мирру.

В Древнем Востоке волхвами называли мудрых людей, которым предписывали знание скрытых сил природы, общение с Богами и обладание сверхъестественной силой. Говорили, что три короля-волхва могли предотвратить удары судьбы и отвести все злое от человека, его дома и скота.

Празднование Богоявления заключается в посещении торжественной мессы в костеле и семейном ужине после полуночи у камина. Трапеза должна быть как можно более богатой и обильной. Блюда, как правило, такие же, как готовились на новогодние и рождественские праздники.

Этим вечером мальчики, одетые в белые балахоны с коронами на голове и длинным шестом, увенчанным звездой, ходят с песнями от дома к дому и благословляют их хозяев. Это называется “процессия трех королей”. Лицо одного из них может быть вымазано сажей — он изображает волхва Мельхиора.

Согласно обычаю, хозяин пишет над дверью дома начальные латинские буквы имен трех королей-волхвов: “С, М, В” (Caspar, Melchior и Balthasar), указывает год и рисует крест. Это означает: “Боже, благослови этот дом”. Такая надпись должна оберегать дом и его обитателей от несчастья. Считают, что день после Дня трех королей приба-

вился, а ночь отступила. В этот день в последний раз зажигают елку, так как он завершает цикл рождественских праздников [6,61].

Небезынтересно подчеркнуть, что культурно-обусловленным синонимом немецкого понятия “День трех святых” в крестьянских, погодных паремиях является антропоним “Эпифания”.

Эпифания празднуется не только в Германии, но и в некоторых швейцарских городах (Цюрихе, Берне, Лозанне, Гларусе, Цуге и др.) [6, 61]. Приведем примеры.

Heilige Dreikönig sonnig und still, der Winter vor Ostern nicht weichen will. — Если на праздник трёх святых солнечно и тихо, жди до Пасхи мягкой зимы.

Ist bis Dreikönigstag kein Winter, so kommt auch kein strenger mehr dahinter. — Если до праздника трёх святых нет холодов, то и потом их не будет.

Ist Dreikönig hell und klar, gibt's viel Wein in diesem Jahr. — Если на праздник трёх святых светло и ясно, будет хороший урожай винограда.

Dreikönig ohne Eis: Pankraz weiß. — Праздник трех святых без снега, на Панкрат белым, бело.

Die Heiligen Drei Könige bauen eine Brücke oder brechen ein. — На праздник трех святых реки либо сковываются льдом, либо тают.

Dreikönigsabend hell und klar, verspricht ein gutes Weinjahr. — Если канун праздника трех святых чист и ясен, будет хорошее вино [6, 63].

Как видно из приведенных примеров, с одной стороны, “день трех королей” определяет погодные условия, с другой, коррелирует с немецкими национальными обычаями.

Таким образом, анализ конкретного переводного материала показывает, что передача лексем, обозначающих национальные культурно-специфические реалии, осуществляется различными способами, в числе которых чаще других применяется

перевод словом или словосочетанием, а также метод описания. Лексемы, оформленные как имена собственные, могут также трансформироваться в текст перевода путем транслитерирования и транскрибирования. В отдельных случаях используется калькирование (полное или неполное). Вместе с тем важно подчеркнуть, что ключевым (релевантным) способом перевода культурно-специфических реалий, содержащихся в крестьянских паремиях, является учет культурологического фактора, отражающего национальную специфику тех или иных немецких реалий, соотносящихся, в частности, с образом жизни крестьян, с их бытом, наблюдениями за погодой и климатом, опытом, накопленном в процессе эволюционно-исторического развития, традициями, обычаями, в том числе спецификой немецкого национального характера и др.

Декодирование культурологического смысла безэквивалентной лексики, вербализирующей немецкие культурно-специфические реалии, осуществляется, как правило, на основе разнообразных этимологических, лексикографических, этнографических, культуроведческих и других источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 1.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. — М.: ЭТС. — 2002. — 424 с.
3. Перевод: язык и культура. Материалы международной научной конференции. Воронеж 2000. — 135 с.
4. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка / Под ред. проф. А. А. Кретьова. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. — 140 с.
5. Швейцер А.Д. Перевод как акт межкультурной коммуникации//Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. тр., — М., 1999.
6. Egon M. Binder. Bauern- und Wetterregeln. — Ulmer, 2003. — 192 s.